

**«Нет, весь я не умру...»: анализ стихотворения И. Бродского
«Перед памятником А.С. Пушкину в Одессе»**

Г.В. Биткивская

Киевский университет имени Бориса Гринченко

В разных изданиях название этого стихотворения различается: «Перед памятником А.С. Пушкину в Одессе» [Бродский 1998: 338; Бродский 2001: 559] и «У памятника А.С. Пушкину в Одессе» [Бродский 2008: 425]. Как видим, употреблены разные предлоги. Оба предлога являются многозначными и используются для выражения пространственных отношений. Предлог *перед* с именем существительным в творительном падеже в одном из своих значений указывает на некоторое расстояние от лицевой стороны чего-нибудь, на то, что напротив кого-, чего-нибудь расположен тот или иной предмет [Ожегов 1987: 432].

Предлог *у* в сочетании с формой родительного падежа обозначает *расположенный возле, совсем около* [Ожегов 1987: 712], то есть не *напротив*, а скорее *рядом*. На наш взгляд, для изображения представленных в стихотворении картин под различными углами зрения требуется определенное расстояние от памятника, поэтому употребление предлога *перед* является более предпочтительным.

Стихотворение состоит из 14 строф, каждая из которых посвящена отдельной теме. Они объединены скорее не «деспотизмом ограниченного пространства» [Гордин 2000: 207], а желанием свободы — свободы перемещений, творчества, мысли. Это воплощено в образах, присутствующих практически в каждой строфе: «*не по торговым странствуя делам*» (1-я строфа), «*я двинул прочь*» (2-я строфа), «*недвижность чаш... пройти немудрено...*», «*апостол перемены мест*» (5-я строфа) и т. п. Подтверждением является также аллюзия, которую вызывает название стихотворения. Ведь любой «рукотворный» памятник А. Пушкина неразрывно связан со стихотворным, со строчками, в которых определено значение его творчества, например, «*...что в мой жестокий век восславил я свободу...*» В этом смысле

относительно раннее стихотворение «Перед памятником А.С. Пушкину в Одессе» созвучно другим произведениям И. Бродского, посвященным свободе личности, свободе творчества и собственно философии свободы.

Основу концептуальной структуры этого произведения составляют следующие антитетические мотивы: свой — чужой, ночь — рассвет (рань), одиночество — родство, апостол — пахан (стилистическая оппозиция), воля — оковы (вьюк, тюрьма). Каждый мотив является одним из аспектов раскрытия его темы.

Стихотворение открывается декларацией цели странствий — *«Не по торговым странствуя делам...»* Логично заинтересоваться: а по каким? Ответ, наверняка, не может быть однозначным, ведь тексты И. Бродского многослойны [Вайль, Генис, 1990: 27]. В данном случае многослойность создается многими средствами: сложными соотношениями пространства и времени, символическими образами, поэтическим синтаксисом, литературными аналогиями (античными, пушкинскими) и т. п.

Стихотворение датировано 1969 (1970) годом, опубликовано в периодике в 1994-м. Оно выражает какие-то общие положения в мировосприятии поэта указанных периодов. Время создания скорее всего отобразило конкретное лишение свободы, которое Бродскому пришлось пережить. Его сопровождало иногда вынужденное молчание (*«белое зерно»* — обычно черное зерно (буквы) на белой бумаге, *«смолкнувший язык материка»*, образ рыбы). Время публикации — наверное, ощущение *«череды веков»*, того пространства, в котором каждому живущему на земле суждено *«раствориться навсегда»*. Я. Гордин пишет о деспотизме времени, чреватом смертью и неслучайности публикации этих стихов незадолго до смерти [Гордин 2000: 208].

И еще о пространстве... Стихотворение создавалось в России, а опубликовал его автор, пребывая в Америке. Однако *«чужой порт»* — это не только Одесса или Нью-Йорк, ведь речь идет о неназванных *«городах земли в рассветный час»*. *«Тоска родства»* побуждает сто лет копировать строку *«Прощай, свободная стихия»*. Пространство соединено при помощи воды,

которая символизирует не только Время, но и движение («за волной волна»), речь («смолкнувший язык материка», грустный язык).

Уже в первой строфе возникает ощущение чего-то неожиданного, непонятого, происходящего «в чужом порту» — нельзя согласиться, что тяжелый привкус во рту связан только с состоянием похмелья. Горечь вызывает продажное правосудие («Недвижность чаш, / незрячесть глаз / слепых богинь»), осознание необходимости побега и отвратительности настоящего («прикидывая, как убраться вон... / и тоже чувствовал, что дело дрянь, / куда ни глянь»), державный «лязг оков». Его может вызвать также ощущение пустоты существования, символом чего является снег. М. Лотман высказал мнение, что пыль и другие порошки, в том числе и снег, — «суть материализация пустоты, материализация отсутствия жизни» [М. Лотман 1998: 201].

Отсутствие жизни связано с холодом — «зернистый снег сек щеку», «скулы серебра слезой» (слеза течет и замерзает в стужу), «стыл апостол перемены мест», с одиночеством — «Один как перст, / как в ступе зимнего пространства пест». Обратим внимание на пластичность этого образа: памятник Пушкину в Одессе с окружающими его сооружениями действительно издали напоминает пест в ступе, которую воспринимаем как образ ограниченного пространства, то есть отсутствие воли, запрет свободного передвижения. Образ памятника ассоциируется с чем-то застывшим, статичным, а не динамичным.

Л. Баткин считает оледенение, холод, зиму обычными для поэта знаками смерти [Баткин 1996: 178]. В структуре стихотворения просматривается образ, который символизирует и смерть, и обреченность — крест. В 5-й строфе возникает вертикаль: «И по восставшей в свой кошмарный рост / той лестнице (...) / как рыбу, я втащил себя», в 8-й — горизонталь: «Податливая внешне даль, / творя пред ним свою горизонталь, / во мгле синела». «Восставшая» Потемкинская лестница неизбежно перечеркнет линию морского горизонта — так возникает символический крест (судьба).

Мотив смерти в стихотворении выражен в конкретных образах: «кусоч свинца» — смерть Пушкина на дуэли, символических: *«раствориться навсегда в тюрьме широт, где нет ворот»*, с помощью подтекста (*прощай, навсегда, волна земле верна*). Его помогают ощутить и литературные параллели, например, в 19-й строфе «Прощальной оды» И. Бродского (Таруса, январь 1964) сосредоточены те же образы, что и в стихотворении «Перед памятником...»:

*Кончено! Смерть! Отлив! Вспять уползает лента!
Пена в сером песке сохнет — быстрее чем жалость!
Что же я? Брег пустой? Черный край континента!
Боже, нет! Материк! Дном под ним продолжаюсь!
Только трудно дышать. Зыблется свет неверный.
Вместо неба и птиц — море и рыб беззубье.
Давит сверху вода — словно ответ безмерный —
и убыстряет бег сердца к ядру: в безумье.*

Вспоминаем, что *берег, смолкнувший язык материка, серый Лиман, рассветный час, рыба, волна* и т. д. присутствуют в анализируемом стихотворении, но автор избегает именовать смерть, хотя от этого она не перестает быть неизбежной (*«так набегает ... за волной волна»*).

Античную аналогию отмечает в первой строчке стихотворения: *«Не по торговым...»* Л. Лосев [Лосев 2000]. Речь идет об «Эпитафии купцу-критянину» Симонида Кеосского (556—468 до н. э.):

*Родом критянин, Бротах из Гортины, в земле здесь лежу я,
Прибыл сюда не за тем, а по торговым делам.*

Можно продолжить: если не по торговым делам, то за тем, что постигло купца-критянина. Исследуя движение этого мотива в структуре произведения, замечаем, что в 1–4 строфах наблюдается желание избежать предопределенности: поэтому герой появляется в чужом порту, каждая строфа имеет глаголы, обозначающие движение (*сошел, двинул прочь, пройти нагим, шли облака*). Кульминация движения — вершина лестницы: герой втаскивает

на нее себя, как рыбу, т. е. выхватывает себя из потока времени. Но в строфах 6–7 движение резко прекращается: «Хана перемещеньям!» Опыт поэта, узнаваемого без имени, свидетельствует о недостижимости воли («Дело дрянь!») (строфы 8–10). Психологическая кульминация (11 строфа) — осознание невозможности побега, можно избежать оков государства, но времени — нет. И вместо хрестоматийного «И там я был, и мед я пил» звучит «И я там был, и я там в снег блевал». Акцент на Я, стилистически сниженное действия (телесный низ) — маска, за которой спряталось нечто «хватящее за душу» [Баткин 1996: 164]. Строфы 12–14 — преодоление себя, прощание со свободой «вопреки себе».

Приняв законы Времени, герой побеждает его с помощью поэзии: «отчаянную» строку (вызванную отчаянием, потерей надежды) продолжают копировать уже не сто, а без малого двести лет. Как не вспомнить: «Нет, весь я не умру...»

Список использованной литературы

1. Бродский И.А. Осенний крик ястреба. — СПб.: Изд. группа «Азбука-классика», 2009. — С. 425–427.
2. Бродский И.А. Перемена империи: Стихотворения (1960–1996). — М.: Изд-во Независимая газета, 2001. — С. 559–561.
3. Бродский И.А. Сочинения Иосифа Бродского: В 5 т. — Т. 2. — Стихотворения 1964–1971 гг.. — СПб.: Изд-во «Пушкинский фонд», 1998. — С. 338–340.
4. Баткин Л. Вещь и пустота. Заметки читателя на полях стихов Бродского // Октябрь. — 1996. — №1. — С. 161–182.
5. Вайль П. Генис А. В окрестностях Бродского // Литературное обозрение. — 1990. — №8. — С. 23–29.
6. Гордин Я. Переключка во мраке. Иосиф Бродский и его современники. — СПб.: Изд-во «Пушкинского фонда», 2000. — 232 с.
7. Лосев Л.В. Иосиф Бродский: Опыт литературной биографии. — 2-е изд., испр. — М.: Молодая гвардия, 2006. — 441 с.
8. Лосев Л. Примечания с примечаниями // НЛЮ. — 2000. — №45 /<http://infoart.udm.ru/magazine/nlo/n45/losev.htm>
9. Лотман М. Поэт и смерть (из заметок о поэтике Бродского) // Блоковский сборник XIV. К 70-летию З.Г.Минц. — Тарту, 1998. — С. 188–207.

10. Ожегов С. И. Словарь русского языка: Около 57 000 слов. — 18-е изд., стереотип.
— М.: Русский язык, 1987. — 797 с.